

А. А. Афанасьева

**КАРЕЛЬСКАЯ ОЙКОНИМИЯ -l-ОВОГО ТИПА
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ
ИСТОРИИ СЯМОЗЕРЬЯ**

В статье рассматривается одна из наиболее характерных прибалтийско-финских моделей названий населенных мест – ойконимы с суффиксом *-la* (ливвик. *-lu, -l*) в Сямозерье, расположенном на границе проживания трех групп карелов: ливвиков, людиков и собственно карелов. На рубеже Средневековья – Нового времени Сямозерье активно осваивалось карельскими переселенцами из Северного Приладожья, которые, очевидно, и принесли с собой *-l*-овую модель номинации. На это указывает ее особая активность в Шуйско-Сямозерском водоразделе, малоосвоенном до XVI века. Некоторые из современных названий поселений с *-l*-овым суффиксом зафиксированы в документах писцового дела XVI в., правда, в русском варианте: *Kurmoilu* – «Курмой-наволок», *Kär-gel* – «Кяргин-наволок». Появление модели сопряжено с активным земледельческим освоением края. Как и на других прибалтийско-финских территориях, модель использовалась первоначально как наименование дома по имени (прозвищу, патрониму) владельца, к которому присоединялся *-l*-овый суффикс. По мере разрастания однодворного поселения название распространялось на все поселение, а впоследствии и на гнездо (куст) поселений.

В наименованиях деревень выступают календарные личные имена: *Kibroilu* < кар. *Kibroi* – Киприан; *Meloilu* < кар. *Meloi* – Мелентий и др. Немало образований от некалендарных имен: *Kiškoilu* (кар. *kiiškoï* – ‘ерш’, прозвище непокладистого, ершистого человека).

Для русской передачи используются три модели, из которых наиболее показательна модель *-ицы / -ица*: *Markkel* – рус. *Маркелица (Маркелицы)*; *Mikkil* – рус. *Миккелица*. Судя по картографированию, она распространилась из русского Присвирья через Олонец, где фиксировалась уже в XVI веке.

Ключевые слова: прибалтийско-финские языки, карельская топонимия, формант, ареал, антропоним, календарный и некалендарный именовослов, русская адаптация, Карелия, карелы-ливвики, этническая история.

Суффиксация – один из принципиально важных способов образования топонимов. Уступая в активности словосложению, она, в силу типологического своеобразия прибалтийско-финских языков, тем не менее, была востребована на разных хронологических срезах развития топонимической системы. При том, что истоки топоформантов в апеллятивных словообразовательных суффиксах, их система ни в коей мере не является отражением соответствующей апеллятивной суффиксации. Основная функция топонимических суффиксов – отличить топоним от апеллятива и идентифицировать разряд топонима [см. подробнее Муллонен 1994, 15–23]. Ярким примером такого «классического» прибалтийско-финского топоформанта является ойконимный суффикс *-la*, который, имея свой ареал и функционируя в сочетании с основами, выраженными антропонимами – традиционными именами, патронимами, прозвищами, обладает значительным этнокультурным потенциалом.

Генезис модели и ее функционирование в Карелии

Ойконимный формант *-la* представлен во всех прибалтийско-финских топонимических системах: в финской, карельской, вепсской, эстонской, ижорской – и восходит к соответствующему суффиксу с локативной семантикой. Считается, что финно-угорский диминутивный суффикс *-la* приобрел локативную семантику в праприбалтийско-финское время. При этом сфера его бытования была достаточно ограничена, он использовался главным образом в сочетании с терминами родства для образования наименований мест жительства родственников: *appela* ‘дом свекра’, *setälä* ‘дом дяди’, *miehelä* ‘дом мужа’, *ukkola* ‘дом деда’, *tuattola* ‘дом отца’ [Карлова 2004, 11 со ссылкой на Ravila 1937, 41–42; Rintala 1972, 142; Nakulinen 1968, 110]. Именно на этой базе произошел переход суффикса в число топонимических формантов.

Исследования показали, что формант традиционно выступал в прибалтийско-финской топонимии в сочетании с антропонимом и обозначал место жительства человека, семьи, рода, определявшееся этим антропонимом. При этом в финляндской топонимии модель получила в XIX–XX вв. новую жизнь в ходе земельной реформы, сопряженной с необходимостью создания большого количества новых ойконимов. При этом значительно расширились словообразовательные возможности суффикса, который оформляет в финской топонимии основы не только антропонимные, но и выраженные географическими терминами, наименованиями растений и др. Вепсская и карельская модель (за исключением единичных севернокарельских примеров из Беломорской Карелии – *Vuarala* (*vuara* ‘гора’*), *Ojala* (*oja* ‘ручей’), *Niemelä* (*niemi* ‘мыс’), *Lampela* (*lampi* ‘лампа, лесное озеро’), *Koivula* (*koivu* ‘береза’)) формируется благодаря возникшим естественным образом ойконимам с основой-антропонимом. При этом в вепсской топонимии процент образований от христианских имен очень невысок, что может быть сопряжено с относительно ранней утратой продуктивности вепсской модели. Она отражена уже в самых ранних среди известных письменных источников, описывающих вепсскую в языковом отноше-

* Карельские апеллятивы и их семантика приводятся по KKS и СКЯ.

нии территорию – т.н. Приписке к Уставу Святослава XIII в. [Муллонен 1994, 76], что свидетельствует о ее раннем возрасте.

В карельском языке суффикс сохранился в топонимах и в небольшом количестве апеллятивов (напр., ливвиковские *kodoilu* ‘родительский дом, *miehoilu* ‘дом мужа’). В настоящее время он непродуктивен ни в апеллятивном, ни в топонимном словообразовании*. Возраст карельской модели не определен, однако известно, что она отмечается письменными источниками в Северном Приладожье по крайней мере с рубежа XV–XVI веков. Уже В. Ниссиля, основателем прибалтийско-финской топонимики, было доказано, что ойконимы *-l*-ового типа маркируют земледельческий тип заселения, они наиболее продуктивны на территории плодородных речных долин [Nissilä 1962, 91–92]. Привязка к земледельческому освоению убедительна и в топонимии Карелии. Исследование О. Л. Карловой показало, что названия поселений *-l*-ового типа наиболее продуктивны в местах, характеризующихся т.н. гнездовым типом расселения, который, в свою очередь, достигает наибольшей концентрации в районах с более благоприятными для земледелия климатическими условиями. Таким районом является, например, Олонецкая Карелия, особенно ее юго-западная часть – Олонецкая равнина [Мамонтова 2011, 129]. Здесь, в долинах рек Олонки, Мегреги, Тулоксы и Туксы, ареал максимальной плотности ойконимов *-l*-ового типа совпадает с гнездовым расселением. Этот факт служит ярким свидетельством того, что *-l*-овая топонимия действительно связана с ранним оседлым земледельческим населением и его развитой аграрной деятельностью [Карлова 2004, 174–175].

Модель функционирует и в центральной, и в северной Карелии, куда принесена карельскими переселенцами в ходе освоения этой территории из северного и северо-западного Приладожья в XVI–XVII веков. На примере Сегозерья высказано предположение, что здесь ойконимы на *-la* маркируют т.н. «залповое» заселение, т.е. массовый приток карельских колонистов-земледельцев и их компактное расселение в определенных пунктах, ставших со временем административными и экономическими центрами погостов и представляющими собой гнезда или кусты мелких деревень. Характерно, что именно в этих центрах жители называют себя карелами (*karjalažed*), в то время как в более мелких поселениях, расположенных на окраинах исторических погостов, в Сегозерье бытует самоназвание лопари (*lappalažed*). Очевидно, за такой дистрибуцией стоит процесс поэтапного освоения территории. Карелы, расселявшиеся на первом этапе освоения компактными группами, затем уже в ходе внутренней миграции осваивали территорию более плотно, вступали в тесные контакты с саамами, что приводило к карелизации последних и, соответственно, использованию этнонима *lappalažed* для обозначения карелов. Показательно, что ойконимия *-l*-овой модели, привнесенная с материнской территории Приладожья, закрепились только в центрах первоначального освоения и является своеобразным маркером залповой колонизации и гнездового типа поселений. Предпринятое

* Вместе с тем можно говорить о реанимировании суффикса создателями карельской письменности. Сейчас его активно используют – не без влияния финского языка – для создания новой лексики (ливв. *syömäl* ‘столовая’, *käymäl* ‘туалет’, *hommal* ‘агентство’, собств. – кар. *neuvola* ‘консультация’) [Карлова 2004, 12].

картографирование ойконимов с формантом *-la* позволило реконструировать сам путь миграции из северо-западного Приладожья через Янгозеро, Сельги в Юккогубу и на северную границу Сегозерья [Муллонен 2001, 24]. При этом малочисленность примеров ее проявления свидетельствует о преимущественно промысловом образе экономики этого региона.

***-l*-овая модель в Сямозерье как историко-культурный маркер**

Модель ойконимов с *-l*-овым формантом бытует и в Сямозерье, расположенном на границе проживания трех групп карелов: ливвиков, людиков и собственно карелов, – и игравшем в свое время ключевую роль в освоении территории южной Карелии. Она уже попадала в поле зрения исследователей, хотя лишь в общем контексте обзора сямозерской топонимии [Муллонен, Мамонтова 2008].

Сямозеро издревле привлекало крестьян-переселенцев из коренных вепских и карельских земель Приладожья. Оно располагалось на транзитных торговых путях. В пределах обширной волости довольно интенсивно складывалась общность карел-ливвиков, а на самом востоке, в пряжинских местах – и карел-людиков. Считается, что первые крестьяне-сямозерцы были выходцами с древневепских земель. Со своей стороны, вдоль Шуи, из бывшего Корельского уезда (через Видлицу, Коткозеро и Тулмозеро) шла постоянная подпитка Сямозерья карельскими переселенцами. Она давала возможность осваивать и ранее не заселенные места [Жуков 2008, 41].

Документы писцового описания свидетельствуют о том, что в кон. XVI – пер. пол. XVII в. крестьянская внутренняя колонизация всего Сямозерья еще продолжалась. Практически еще не освоенными в земледельческом отношении лежали перешеек между Сямозером и Шотозером и земли к северу от Сямозера. По всей видимости, рыболовные запасы больших озер и Шуи в целом удовлетворяли потребностям населения. Однако постепенно сельское хозяйство становится основой экономики этого района. Свидетельством сельскохозяйственного освоения является тип ойконимов, т.е. названий поселений с суффиксом *-la, -lu, -l**.

Модель ойконимов с *-l*-овым формантом широко бытовала в древних названиях Корельского уезда и, видимо, принесена оттуда в Сямозеро карельскими переселенцами. Она характерна для южного Сямозерья – округ Шотозера, Вагатозера, представлена на Шуе и на самом Сямозере – в серединах его южного и северного берегов (Рис. 1). Именно эти земли стали центральными для сямозерских ливвиков. Показательно, что модель *-l*-овых ойконимов практически не выходит за восточную границу Сямозерья, в людиковский ареал.

Письменные источники позволяют проследить историю становления модели. Она могла бытовать на Сямозере уже в XVI в. (а возможно, и раньше),

* Три варианта форманта обусловлены фонетически: суффикс *-l* как на апеллятивном, так и на топонимическом уровне используется при открытом предшествующем слоге, напр.: *Hedul*. После предшествующего закрытого слога используется суффикс *-lu*. Суффикс *-lu* присоединяется также к антропонимам, которые оканчиваются на демунитивный суффикс *-oi* (*Ahpoilu, Kibroilu, Prokkoilu*) [Карлова 2004, 26–31]. Наличие конечного *-a* в форманте *-a* обусловлено говорными фонетическими особенностями, а также влиянием русской ойконимной модели с конечным *-a*.

поскольку некоторые из современных названий поселений с *-l*-овым суффиксом зафиксированы уже тогда, правда, в русском варианте: в *Кожине*, в *Курвой-наволоке*, в *Кяргине наволоке* [ПКОП 1563, 63] – соответственно, современные *Kožoilu*, *Kurtoilu*, *Kärgel*. Картографирование показывает, что эти первые, исторически засвидетельствованные, ойконимы называли деревни, расположенные непосредственно на южном побережье Сямозера, отмечая, возможно, наиболее ранние и важные центры притяжения карельского населения. Через 20 лет к ним присоединяется *Эссоила* в виде д. *На Сямозере Безсуньевых* (1582 г.), *На Сямо-озере Безсуньевых*, а *Есуева тож* (1610-е гг), а также *Кишкойла* (*На Сямо ж озере в Кишкюеве наволоке Павелка Ондреева*), и затем эти топонимы встречаются в более поздних документах нач. и сер. XVII века. В писцовых книгах 1610-х гг. появляется д. «*на Тевеле*», совр. кар. *Tuvil*, к 1640-м гг. относится д. *Угмола-гора*, совр. *Угмойла* [Жуков 2008, 92, 73]. Последнее название (с концовкой *-ла*) особенно важно, поскольку оно может значительно более убедительно, чем предшествующий ряд примеров, подтверждать функционирование *-l*-овой модели на Сямозере в то время. По смежным территориям (Ведлозерье, Олонец) в источниках XVI в. также отмечен ряд ойконимов *-l*-овой модели, впрочем, и здесь в трансформированном русском виде. Карельские *-l*-овые оригиналы угадываются по основам, выраженным антропонимами, и по оформлению их русскими суффиксами с поссессивной семантикой: ср. в окрестностях Олонца *Тохтосово* – карел. *Tahtahal*, *Репукииницы* – карел. *Riipuskal* и т.д. В писцовых материалах 1563 и 1582 гг. отсутствует полностью описание водораздельных территорий, а именно Сямозерско-Шотозерский, а также район, расположенный между Шотозером и Ведлозером. В первом из указанных описаний (1563 г.) нет еще и Вешкельской группы деревень, расположенной между Сямозерьем и Суоярви. На всех обозначенных водораздельных территориях ойконимы *-l*-ового типа представлены сейчас множеством примеров, в Вешкелице они хорошо прослеживаются по писцовой книге 1582 г., тогда как вокруг Шотозера они зафиксированы в виде устойчивого и плотного ареала на картах и материалах генерального межевания кон. XVIII века. К сожалению, отсутствие документов рубежа XVII–XVIII вв. не позволяет надежно проследить традицию бытования модели. К тому же не вполне понятны причины отсутствия описания водораздельных территорий: действительно ли они еще не были населены к XVI в. или же (по каким-то причинам) оказались не описанными.

Вообще хронология ойконимов, образованных по *-l*-овой модели, различалась в прибалтийско-финских языках и на разных прибалтийско-финских территориях. В то же время вепсская модель уже сравнительно рано (возможно, к XVI в.) утратила свою активность [Муллонен 2002, 98]; карельская, наоборот, лишь после XV в. приобретает популярность, а наибольшей продуктивности достигает в кон. XVIII – нач. XIX века [Карлова 2004, 173]. В целом, видимо, можно полагать, что модель появилась в Сямозерье по крайней мере в XVI в. и набрала активность в последующих XVII–XVIII веках.

Об относительно ранних истоках модели свидетельствует сопоставительный анализ типов названий поселений в Вешкельском кусте. Оказалось, что оформленные *-l*-овым показателем названия привязаны к деревням, располо-

женным непосредственно в историческом центре куста, рядом с церковью, в то время как другие структурные типы ойконимов использованы при назывании деревень, расположенных за пределами исторического центра, т.е. в зоне, которая осваивалась уже вторично, а значит, и сами типы называния приобрели продуктивность позднее, чем *-l*-овая модель [Афанасьева 2013, 100].

Модель появлялась первоначально как наименование дома по имени (прозвищу, патрониму) владельца. По мере разрастания однодворного поселения название распространялось на все поселение. Такова же, по всей видимости, была ситуация и в Сязозерье, где, между прочим, вплоть до XX в. сохранилась традиция использования модели с конечным элементом *-lu*, *-l* в наименованиях домов. В лексической картотеке Э. В. Ахтия, известного собирателя лексики Сязозерья нач. XX в., сохранилось около 20 наименований домов, образованных по данной модели: *Tavil*, *Timal*, *Tikkul*, *Rikkil*, *Ruagal*, *Röččäl*, *Tad'd'oilu*, *Sirgoilu*, *Zoral*, *Šuttil*, *Št'oppil*, *Tuhkal*, *Čurhal*, *Čuakkul*, *Čikkul*, *Čabil*, *Čihval* [Карлова 2004, 174]. Позднее, по мере выделения новых хозяйств из родового дома, его название распространялось на все поселение, а на следующем этапе – при формировании гнезда поселений – могло получить статус названия сформированного куста деревень [Nissilä 1962, 92].

Итак, первоначально наименования сязозерских деревень были названиями домов (однодворных деревень), в которых сохраняется память об их основателях. В них выступают календарные личные имена, восходящие к русским оригиналам (нередко диалектным) и трансформировавшиеся в карельской языковой среде. Далее приведен ряд ойконимных примеров, для интерпретации привлечены специальные исследования по карельскому именослову [Nissilä 1973, Кузьмин 2016]:

Ahroilu, рус. *Ахнойла*: *Ahroi* – Агапий, Афанасий; *Ar'koilu*, рус. *Арькойла*: *Ar'koï* – Аркадий; *Fadil*, рус. *Фадела*: *Fadi* – Фадей; *Gauroilu*, рус. *Гавройла*: *Gauroi* – Гаврил; *Glimoilu*, рус. *Глимойла*: *Glimoi* – Клим, Климент; *Heččul*, рус. *(Гетчула) Савиново*: *Hečču* – Федот; *Hedul*, рус. *Хедула*: *Hedu* – Федот; *Jelkkula (D'elkkula)*, рус. *Елкула (Пеньгисельга)*: *Jelkku*, *D'elkku* – Елисей; *Jessoilu (D'essoilu)*, рус. *Эссойла*: *Jessoï (D'essoï)* – Ефим; *Kibroilu*, рус. *Кибройла*: *Kibroï* – Киприан; *Маккойла*, рус. *Маккойла*: *Маккоï* – Макар, Маковой, Мокей; *Meloilu*, рус. *Мелойла*: *Meloï* – Мелентий; *Miinal*, *Miinoilu* рус. *Минойла*: *Miina* – Мина; *Nehroilu*, рус. *Нехнойла*: *Nehroi* – Нефед; *Nikkoilu*, рус. *Никкойла*: *Nikkoï* – Никон; *Padroilu*, рус. *Падройла*: *Padroi* – Патрикей; *Paušoil*, рус. *Павшойла*: *Paušoi*, *Pavšoi* – Павел; *Pekkil'a (Pekkil)*, рус. *Пеккиля*: *Pekka*, *Pekki* – Петр; *Prokkoila*, рус. *Проккойла*: *Prokkoï* – Прокопий, Прокофий; *Sissoilu (Sissoine)*, рус. *Сыссойла*: *Sissoï* – Сысой; *Тимохпиелу*, рус. *Корбисельга*: *Тимохпие* – Тимофей; *Vuaččil (Vuaččoilu)*, рус. *Ваччойла*: *Vuačči* – Василий.

Вторую группу формируют названия поселений, образованные от карельских некалендарных личных имен или прозвищ, например:

Kiškoilu, рус. *Кишкойла*: кар. *kiiškoi* ‘ерш’; слово использовалось для обозначения непокладистого, ершистого человека;

Kurmoilu, рус. *Курмойла*: кар. *kurmoi* ‘обжора’;

Närhil, рус. *Няргила*: кар. *närhi* ‘сойка’;

Rubčoilu, рус. *Рубчейла*: кар. *rubčoi* ‘рубец, шрам; морщина’.

Для некоторых ойконимов не удастся предложить расшифровку: *Lumbil* – рус. Лумбила, *Kožoilu* – Кожойла, *Uhmoilu* – Угмойла, *Šukkoilu* – Чуккойла, *Kärgel* – Кяргела, *Tuvil* – Тивилицы, *Mal'’al* – Малляла, *Kleššoilu* – Клещейла, *Pogoilu* – Погойла, *Punčoilu* – Пунчойла. Очевидно, за ними стоят утраченные антропонимы прозвищного характера.

Русская адаптация *-l*-овой модели в Сямозерье

Еще один вопрос, возникающий в связи с анализом ойконимов *-l*-овой модели, – это ее русская адаптация. Материал свидетельствует о том, что она менялась на протяжении веков, использовались русские суффиксальные модели *-ино* (*Курвино*, *Кожино*), *-ово* (*Кижково*). Наиболее интересна русская ойконимная модель на *-ицы*, преобразованная в ряде случаев во вторичное *-ица*. Она важна с точки зрения историко-культурного наполнения, поскольку четко отражает относительно раннее русское проникновение в Карелию. При этом уже по крайней мере с XIII в., а возможно, и раньше, она последовательно использовалась в нашем регионе для интеграции в русское употребление прибалтийско-финской *-l*-овой ойконимии. Причиной было семантическое родство основ прибалтийско-финских ойконимов с суффиксом *-l(a)* и древнерусских с суффиксом *-ицы/-ици*: и те, и другие отантропонимного происхождения [Муллонен 2002, 86].

На Сямозере засвидетельствовано несколько соответствующих случаев адаптации. При этом среди сямозерских ойконимов этого типа есть образования и от христианского, и нехристианского именованного. Примеры образований от христианских имен: *Maščil*, рус. *Матчилица*: кар. Маšči, Маščo – Матвей; *Markkel*, рус. *Маркелица* ~ *Маркелицы*: кар. Markke, Markki – Марк; *Mikkil*, рус. *Миккелица*: кар. Mikki – Михаил; *Zankil*, рус. *Занкелица* ~ *Занкелицы*: кар. Zan'ki – Захар(ий). В свою очередь выразительным примером нехристианского именованного может быть название дер. *Honganal*, рус. *Гонганалица*. Современные карельские варианты названия разнятся: *Honganal*, *Honganual*. Из них второй является, по-видимому, результатом народно-этимологического сближения топонима, ставшего со временем непонятным, с карельским послеложным сочетанием *hongan ual* ‘под сосной’. Именно такое осмысление и привело к фонетическому переоформлению концовки топонима. В данном случае как раз русский эквивалент *Гонганалица* с формантом *-ица*, который традиционно использовался в Олонецкой Карелии для русской адаптации ойконимов *-l*-ового типа, довольно надежно свидетельствует о вхождении оригинального карельского названия в ряд ойконимов *-l*-ового типа. В его истоках может быть реконструирован ливвиковский антропоним **Honganu*, аналоги которого известны, к примеру, в финской антропонимии, где финский антропоним восходит к прозвищу, ср. фин. *hokkana* ‘высокий, рослый человек’ [SMS]. Стоит добавить, что прозвищное наименование обладает гораздо большим антропонимическим потенциалом, что подтверждают его востребованность родственными именованными, ср. фин. фамилия *Honkanen*, *Honkonen*, вепс. *Honghiine* / *Гонгоев*, а также многочисленные следы в отантропонимных ойконимах [Муллонен 2016, 433–434].

В исторических документах, на старых картах Сямозерья, а также в старых записях обнаруживаются еще некоторые упоминания названий поселений

с формантом *-ицы / -ица*, в том числе *Небылицы*, *Наргелица* [ПГМ 1790], *Тивилицы* ~ *Тювелица* [СНМ 1926]. Кроме того, этот суффикс был присущ части ойконимов, утративших его впоследствии, напр., совр. *Угмойла* (кар. *Ugmoilu*) на картах Генерального межевания именуется *Угмолицы*. Иначе говоря, эта интеграционная русская модель отличалась в прошлом значительной продуктивностью. В ее орбиту оказались втянутыми даже те карельские ойконимы, которые не входят в модель *-l*-овых образований, ср. дер. *Salmennišku* (букв. ‘начало пролива’) – рус. *Салменица*, с. *Veškelys* – рус. *Вешкелица*. В списках населенных мест 1926 г. эти названия зафиксированы как Салменицы и Вешкелицы.

Ближайший от Сязозерья плотный ареал ойконимов *-ицы* располагается на юго-западе, в Олонецкой округе, где фиксируется документально в XVI веке (Рис. 2). Очевидно, именно оттуда модель распространилась на Ведлозеро и Сязозеро, на северную окраину исторического Олонецкого погоста. Наиболее сложен вопрос, почему именно в Сязозерье эта русская модель получила распространение? Если в окрестностях Олонца такими причинами были близость русского Присвирия, где модель на *-ичи* исключительно популярна, а также осязаемое русское воздействие, связанное со строительством Олонецкой крепости в XVII в., то образование своеобразного анклава на Сязозере не подкреплено ни близостью русской территории, ни убедительным историческим контекстом. Очевидно, однако, что ответ следует искать в особой роли Сязозерья в истории Карелии, возможно, связанной с периодом русско-шведского противостояния XVI–XVII веков. Отметим, что нередко суффиксом *-ицы / -ица* помечается особый статус поселения, потребовавшего специальной русской адаптации. Так, к примеру, дер. *Маркелица* была когда-то важным пунктом на зимнике, ведущем из Петрозаводска в Суоярви.

Выводы

Итак, на карте бытования *-l*-овой ойконимии Сязозерье занимает пограничное положение, поскольку модель практически не выходит за его пределы на восток. Тем самым Сязозерье вписывается в ареал западных приладожских связей, а сама модель, очевидно, является маркером карельского земледельческого освоения, распространившегося из Приладожья. При этом в соответствии с общекарельской ситуацией в Сязозерье модель согласуется с гнездовым типом расселения. Судя по письменным свидетельствам, ойконимы с *-l*-овым суффиксом могли бытовать здесь уже в XVI веке (возможно, и раньше). При этом в употреблении модели просматриваются некоторые скопления, а также намечается определенное ареальное противостояние северо-западного Сязозерья, где ойконимы на *-l* малоупотребимы, остальной территории. Видимо, этот довольно глухой, удаленный от основных водных магистралей район Сязозерья осваивался первоначально по преимуществу как промысловая территория, что приводило к тому, что в наименованиях поселений здесь закрепились наименования природных объектов.

В свою очередь, русская адаптация с использованием форманта *-ицы*, который в последующем во многих случаях приобрел облик *-ица*, свидетельствует о вхождении Сязозерья в ареал русских языковых связей, распространявшихся из Присвирия и Олонецкой округи, где эта модель фиксируется уже материалами писцового дела XVI века.

Рис. 1. Ойконимы -/о-вой модели в Сямозерье

Рис. 2. Ойконимы с формантом *-ицы / -ица* в Сямозерье

СОКРАЩЕНИЯ

кар. – карельский, ливвик. – ливвиковский.

ЛИТЕРАТУРА

Афанасьева А. А. История села Вешкелица в географических названиях // Краеведческие чтения: материалы VII науч. конф. (14–15 февраля 2013 г.). Петрозаводск, 2013. С. 99–104.

Жуков А. Ю. Сямозерье в IV–VII веках // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008. С. 41–106.

Карлова О. Л. Суффикс *-la* в топонимии Карелии: дисс. ... на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Петрозаводск, 2004. 225 с.

Кузьмин Д. В. Христианские имена карелов // Вопросы ономастики. 2016. Т. 13. № 2. С. 56–86.

Мамонтова Н. Н. Топонимия Олонецкого края // Древний Олонец. Петрозаводск, 2011. С. 125–148.

Муллонен И. И. История Сегозерья в географических названиях // Деревня Юккогуба и ее округа. Петрозаводск, 2001. С. 13–35.

Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб.: Наука, 1994. 156 с.

Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2002. 356 с.

Муллонен И. И. Наследие вепсского нехристианского именователя в ойконимии южного Присвирья // Verba magistro: Сб. науч. ст. памяти профессора Александра Сергеевича Герда. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 428–444.

Муллонен И. И., Мамонтова Н. Н. Топонимия как отражение этнического прошлого Сямозерья // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008. С. 25–38.

ПГМ 1790 – План генерального межевания Петрозаводского уезда Олонецкой губернии, 1790. URL: http://www.etomesto.ru/map-kareliya_pgm-petrozavodskogo-uezda (дата обращения: 22.07.2017).

ПКОП 1563 – Писцовые книги Обонежской Пятины: 1496 и 1563 гг. / Акад. наук Союза сов. соц. респ, Археогр. комис.; Под общ. ред. М. Н. Покровского. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1930. IV, 268.

СКЯ – Макаров Г. Н. Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Петрозаводск: Карелия, 1990. 495 с.

СНМ 1926 – Список населенных мест Карельской АССР (По материалам Переписи 1926 года). Петрозаводск, 1928. 159 с.

KKS – Karjalan kielen sanakirja. 1–6 // LSFU, XVI, 1-6. Helsinki, 1968–1997.

Nissilä V. Ortodoksisia henkilönnimiä Aunuksen kylännimistöissä // Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. 1973. Vol. 72. S. 239–275.

Nissilä V. Suomalaista nimistö tutkimusta // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimitteita. 1962. Vol. 272. 220 p.

Suomen murteiden sanakirja. 1–7 // Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 36. Helsinki, 1985–2003.

Поступила в редакцию 10.01.2018

Афанасьева Анастасия Алексеевна,

преподаватель,

ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

185000, Россия, г. Петрозаводск, ул. Ленина, 33

e-mail: anastasia20085@mail.ru

A. A. Afanaseva

***l*-type Karelian Placenames in the History and Culture of Lands in the Vicinity of Lake Syamozero**

The article considers one of the most common Baltic-Finnic models of the names of localities – placenames of settlements with the suffix *-la* (livvic. *-lu*, *-l*) in the vicinity of Lake Syamozero, located on the residence border of three groups of Karelians: Livvi-Karelians (Olonets Karelians), Ludics and Karelians Proper. At the turn of the Middle Ages and New Time, the territory of Lake Syamozero became actively populated by Karelian settlers from the Northern Ladoga area, who introduced the *-l*-model nomination of places to the new territories. This can be indicated by wide spread of this model in the Shuya-Syamozero watershed, which remained underdeveloped until the 16th century. The Russian variants of some modern names of settlements with the *-l*-suffix are recorded in the documents of the 16th cen-

ture: *Kurmoilu* – Rus. Kurmoi-Navolok, *Kärgel* – Rus. Kargin-Navolok. The emergence of the model is connected with active agricultural development of the region. As well as in other Baltic-Finnic territories, the model was originally used as the name of the house after the name (nickname) of the owner, bearing the *-l-*suffix. As a single household settlement extended, the name was extended to the entire settlement and, subsequently, to the group of settlements.

The names of the villages include calendar personal names: *Kibroilu* < Kar. Kibroi – Cyprian; *Meloilu* < Kar. Meloi – Melenti, etc. There are many formations from non-calendar names: *Kiškoilu* (Kar. Kiiškoi – ‘ruff’, a nickname for an obstinate, uncompromising person).

In Russian three models are used, the most indicative of which is *-itsy / -itsa* model: *Markkel* – Rus. Markelitsa (Markelitsy); *Mikkil* – Rus. Mikkelitsa. According to the maps, this model spread from the Russian Svir River through Olonets, where it was recorded in the 16th century.

Keywords: Finnic languages, Karelian toponymy, formant, area, anthroponym, calendar and non-calendar names, Russian adaptation, Karelia, Livvi-Karelians, ethnic history.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2018, vol. 12, issue 2, pp. 6–18. In Russian.

REFERENCES

Afanaseva A. A. Istorija sela Veshkelica v geograficheskikh nazvaniyah [History of Veshkelitsa village in geographical names]. *Kraevedcheskie chtenija: materialy VII nauchnoj konferencii (14–15 fevralja 2013 g)* [Local history readings: materials of VII scientific conference (14–15 February 2013)]. Petrozavodsk, 2013, pp. 99–104. In Russian.

Zhukov A. J. Istorija i kul'tura Sjamozer'ja [History and culture of the territory of Lake Syamozero]. *Sjamozer'e v IV–VII vekah* [The territory of Lake Syamozero in the IV–VII centuries], Petrozavodsk, 2008, pp. 41–106. In Russian.

Karlova O. L. *Suffiks -la v toponimii Karelii: dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk.* [Suffix *-la* in the toponymy of Karelia: dissertation for the degree of Candidate of Philology]. Petrozavodsk, 2004. 225 p. In Russian

Kuzmin D. V. Hristianskie imena karelov [Christian names of Karelians]. *Voprosy onomastiki* [Questions of onomastics], 2016, vol. 13, no. 2, pp. 56–86. In Russian.

Mamontova N. N. Toponimija Oloneckogo kraja [Toponymy of the Olonets Region]. *Drevnij Olonec* [Ancient Olonets], Petrozavodsk, 2011, pp. 125–148. In Russian.

Mullonen I. I. Istorija Segozer'ja v geograficheskikh nazvaniyah [History of Segozero in geographical names]. *Derevnja Jukkoguba i ee okrug* [The village of Yukkoguba and its districts], Petrozavodsk, 2001, pp. 13–35. In Russian.

Mullonen I. I. *Očerki vepsской toponimii* [Essays on Veps toponymy]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. 156 p. In Russian.

Mullonen I. I. *Toponimija Prisivir'ja: problemy jetnojazykovogo kontaktirovanija* [Toponymy of the territory of the Svir River: problems of ethno-linguistic contacts]. Petrozavodsk, PetrGU Publ., 2002. 356 p. In Russian.

Mullonen I. I. Nasledie vepsского nehristsianskogo imenoslova v ojkonimii juzhnogo Prisivir'ja [The legacy of the Vepsian non-Christian denomination in the oikonymy of the southern territory of the Svir River]. *Verba magistro. Sbornik nauchnyh statej pamjati professora Aleksandra Sergeevicha Gerda* [Verba magistro. Collection of scientific articles in memory of Professor Alexander Sergeevich Gerd]. St. Petersburg, Nestor-Istorija Publ., 2016, pp. 428–444. In Russian.

Mullonen I. I., Mamontova N. N. Toponimija kak otrazhenie jetnicheskogo proshlogo Sjamozer'ja [Toponymy as a reflection of the ethnic past of the territory of Lake Syamozero].

Istorija i kul'tura Sjamozer'ja [History and culture of the territory of Lake Syamozero], Petrozavodsk, 2008, pp. 25–38. In Russian.

Plan general'nogo mezhevanija Petrozavodskogo uezda Oloneckoj gubernii [Plan of the general survey of Petrozavodsk district of Olonets province], 1790. In Russian. URL: http://www.etomesto.ru/map-kareliya_pgm-petrozavodskogo-uezda (accessed 22 July 2017).

Piscovye knigi Obonezhskoj Pjatiny: 1496 i 1563 gg. [The scribal books of the Obonezhskaya Pyatina: 1496 and 1563]. St. Petersburg, Akad. nauk SSSR Publ., 1930, vol. IV, 268 p. In Russian.

Makarov G. N. *Slovar' karel'skogo jazyka (livvikovskij dialekt)* [Dictionary of the Karelian language (Livvic dialect)]. Petrozavodsk, Karelia Publ., 1990. 495 p. In Russian.

Spisok naseleennyh mest Karel'skoj ASSR (Po materialam Perepisi 1926 goda) [List of localities of the Karelian ASSR (Based on the materials of the 1926 Census)]. Petrozavodsk, 1928. In Russian.

Karjalan kielen sanakirja [Dictionary of the Karelian language], Helsinki, 1968–1997, vol. 1–6. In Finnish.

Nissilä V. Ortodoksisia henkilönnimiä Aunuksen kylännimistöissä [Orthodox personal names in placenames of villages of Olonets]. *Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja*, 1973, vol. 72, pp. 239–275. In Finnish.

Nissilä V. Suomalaista nimistö tutkimusta [Finnish Onomastics]. *Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimitteita*, 1962, vol. 272, 1962. In Finnish.

Suomen murteiden sanakirja [Dictionary of Finnish dialects]. Helsinki, Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 36., 1985–1992. In Finnish.

Received 10.01.2018

Afanaseva Anastasiya Alekseevna,

Teacher,

Petrozavodsk State University

33, ul. Lenina, Petrozavodsk, 185000, Russian Federation

e-mail: anastasia20085@mail.ru